

22. Русские писатели. 1800-1917: Биограф, словарь. - М., 1992. - Т.2.
23. Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. - М.; Л., 1959-1960.
24. Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы: XI-начало XII века. - М., 1978.
25. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. - М., 1984.
26. Скачкова С.В. Из истории русской литературной сказки (Жуковский и Пушкин //Русская литература. - 1984. - № 4.
27. Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. - Петрозаводск, 1959.
28. Словарь языка Пушкина: В 4 т. - М., 1956. - Т.1
29. Даль В.И. Полн. собр. соч.: В 10 т. - СПб.; М., 1897-1898.
30. Н.М. Языков и В. Д. Комовский. Переписка 1831-1833 гг. /Публ. М.Азадовского //Литературное наследство. - М., 1935. - Т.19-21.
31. Формулярный список о службе управляющего Нижегородскою удельною конторою действительного статского советника Даля В.И. Сост. июля 1858 г. /Сообщ. А.Садовский // "Действия" Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. - Нижний Новгород, 1898. - Т. III. Отд. 3.

ДАТЫ В РУКОПИСЯХ ПУШКИНА

С.А.Фомичев

*(доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Россия)*

У статті розглядаються дати рукописів О.С.Пушкіна, що дозволяють виявити автобіографічний підтекст творчих задумів поета.

The dates of A.S.Pushkin's manuscripts, which allow to reveal the autobiographical subtext of the creative thoughts of the author are analyzed in the article.

Пушкинские рукописи пестрят датами. Чаще всего он датировал работу над своими произведениями, но также обозначал наиболее значимые события. Так на л.45об. Первой кишиневской тетради (1) помечено: "18 juillet 1821 nouvelle de la mort de Napoleon", а на внутренней стороне задней крышки переплета Второй масонской тетради (2) занесена запись: "1824 19/7 avt. mort de Byron",. 1 июля 1822 г. Пушкин отмечает "день щастл<ливый>" (3), счастливым для поэта был также, согласно особой помете, и день 2 августа 1827 г. (4; 5, 230, 238, 233, 252).

Память на даты различных событий у Пушкина вообще была отменной. Так в письме к Н.И.Гнедичу в 1825 г. Пушкин пишет: "23 февр. день объявления греческого бунта Александра Ипсиланти" (6, 145). 7 апреля 1825 г. он сообщает П.А.Вяземскому: "Нынче день смерти Байрона - я заказал с вечера обедню за упокой его души" (6,160). 2 февраля 1830 г. признается К.А.Собаньской: "Сегодня 9-ая годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни" (7, 62). Можно не сомневаться, что Пушкин отлично помнил и дату отъезда в 1820 г. из Петербурга в ссылку, пометив 9 мая 1821 г. в своем дневнике: «Вот уже ровно год, как я оставил Петербург» (8, 302).

В биографической же Пушкиниане днем его отъезда на юг считается 6 мая 1820 г. – на основании косвенных свидетельств современников. «Участь Пушкина решена, – сообщил А.И. Тургенев П.А. Вяземскому 5 мая 1820 г. – Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем» (9). Но мало ли что могло произойти за день и помешать отъезду в установленный срок! Заметим, что 6 мая 1820 г. отмечался большой церковный праздник, который почитался поэтом особо: на Вознесенье он двадцатью одним годом ранее родился. Вполне возможно, что Пушкин задержал отъезд, чтобы провести этот день с семьей. В любом

случае можно утверждать, что спустя год он точно помнил время отъезда из Петербурга. Здесь, безусловно, следует довериться не свидетельствам документов и современников, а самому поэту – с его обостренной памятью на важные даты.

Дата "9 мая" оказалась значимой и в творческой истории романа "Евгений Онегин", непосредственная работа над которым была начата в Первой масонской тетради (10) «28 мая ночью» (рукопись первой строфы, по почерку и цвету чернил сходная с этой пометой, в этом не оставляет сомнения). Но выше этой даты крупным почерком помечено: «9 мая». Можно с уверенностью сказать, что тем самым свой новый замысел Пушкин ощущал в качестве вызова судьбе, своеобразного поэтического побега в столицу (*Там некогда гулял и я, // Но вреден Север для меня*), откуда три года назад был изгнан и куда путь был ему закрыт властями.

При датировке своих произведений в беловых автографах Пушкин переносил даты из черновиков. Так в конце перебеленной рукописи "Домика в Коломне" (11) помечено: "Болдино 1830 9 окт.<ября> 5 3/4 ч.<асов> в.<ечера>". Но вчерне две заключительные строки XXV октавы отрабатываются под автографом стихотворения "Рифма" (12), датированным 10 октября, и перенесены в рукопись (13) в варианте, уже соответствующем верхнему слою черного автографа. Следовательно, беловик поэмы никак не мог быть создан на день раньше этого срока.

Особого рассмотрения заслуживают даты (иногда с краткими событийными записями), проставленные Пушкиным не в конце, а в заголовке своих произведений. Эти даты, как правило, предупреждают об автобиографическом подтексте творческого замысла.

Так тексту стихотворения (возможно, начала поэмы) "Стамбул гяуры нынче славят..." предшествует помета:

17 окт. 1830

предч. разб. ст.

Сокращенную запись У.Викери расшифровал как "предчувствую разбитие столицы" (14, 91-95), соотнося с первыми строками произведения, то есть толкуя помету как предчувствие поэта о кровавой расправе в Стамбуле султана Махмуда II с янычарами в июне 1826 г. Но такое тавтологическое толкование едва ли корректно. Смысл пометы помогает понять содержащаяся в болдинском тексте автореминисценция из стихотворения 1827 г. "Какая ночь! Мороз трескучий...", где воссоздавалась картина Москвы времен опричнины Ивана Грозного:

*...Торчат железные зубцы,
С костями груди пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...* (15, 60)

В обоих случаях Пушкин, конечно же, в остраненном виде переживал давнее впечатление об оскверненном картечью и виселицами Петербурге. Насколько острым в пушкинском кругу было это ощущение, мы можем судить по письму П.А.Вяземского жене от 20 июля 1826 г.: "Как герой романа Потоцкого, который, где бы ни был, что бы ни делал, а все просыпался под виселицами, так и я: о чем ни думаю, как ни развлекаюсь, а все прибывает меня неволью и неожиданно к пяти ужасным виселицам, которые для меня из всей России сделали страшное лобное место" (16, 121). В 1836 г. Пушкин в третий раз обратится к сходному замыслу, стилизуя теперь свое стихотворение "Альфонс садится на коня..." под перевод из романа Потоцкого "Рукопись, найденная в Сарагоссе".

А что обозначает дата "17 октября", вынесенная в начало произведения? Возможно, Пушкин вспоминал свой вторичный после ссылки приезд в столицу 17 октября 1827 г., когда накануне на станции Залазы он встретился с В.К.Кюхельбекером, препровождаемом жандармами в Динабургскую крепость.

Правильное осмысление пометы, предшествующей черновому автографу стихотворного наброска "Критон, роскошный гражданин..." (17), помогает понять намечаемое сюжетное развитие этого замысла. Стихотворный набросок обрывается на том, как "роскошный гражданин очаровательных Афин" видит нифму, скрывающуюся за колоннами бани, входившей в комплекс зданий в Академии, которая располагалась в Керамике, предместье Афин. Ясно, что герой должен был последовать за нимфой. По законам намеченной стихотворной сказки (conte) там

его должно поджидать нечто неожиданное. Чт́о именно - помогает понять помета, предваряющая текст:

14 июля - Арзр.<умская> баня - чума

В "Путешествии в Арзрум 1829 во время похода 1829 года" отмечается, что 14 июля поэт посетил грязную народную баню и в тот же день узнал, что в городе открылась чума. По ассоциации Пушкин в начатом произведении вспомнил, вероятно, об одном из самых памятных событий в Афинах эпохи Перикла, об эпидемии чумы, разразившейся в 430 г. до н.э. и так описанной Фукидидом: "Это постигшее афинян бедствие отягчалось еще наплывом беженцев со всей страны и особенно страдали от болезни вновь прибывшие. Жилищ не хватало <...> сами святилища с храмовыми участками, где беженцы искали приют, были полны трупов..." (18, 86)

Очевидно, колонию больных, приютившихся в Академии, и предстояло обнаружить Критону. Появление же нимфы в столь необычном месте, вероятно, можно объяснить тем, что эти божества наделялись врачующим даром.

Можно сказать, что даты, проставленные Пушкиным перед некоторыми стихотворениями, подобны эпиграфам, поясняющим внутренний смысл, подтекст произведения.

В день своего двадцатидевятилетия Пушкин пишет свое "скептическое" (по собственному определению) стихотворение, "Дар напрасный, дар случайный...", напечатанное в альманахе "Северные цветы" под датой "26 Маия, 1828". Созданное в момент возбуждения властями дела о "Гавриилиаде", грозившего нешуточными карами, стихотворение это, казалось бы, было вскоре дезавуировано самим поэтом, в послании к Филарету, "В часы забав и праздной скуки..." Но издавая в 1832 г. третью часть своих стихотворений, где данное послание открывало раздел произведений 1830 г., Пушкин под рубрикой "Разных годов", в которой лирическими средствами намечена автобиографическая канва 1820-х гг., печатает и стихотворение "Дар напрасный..." И дело здесь не только в завете: *Строк печальных не смываю...* Вслед за стихотворением "Дар напрасный, дар случайный..." в книге следовали стихотворения "Каков я прежде был, таков и ныне я..." и "Анчар", помеченные также перед текстами годовой датой "(1828)", по-своему дополняющие и проясняющие текст скорбной медитации.

Любопытно и то, что послание к Филарету, представляющее собою вольное переложение псалма 140, также перед текстом в книге датировано 19-м января. По народному календарю это Макарьев день, а Макара народ поминал особо часто в дни несчастий: "На бедного Макара везде беда напала", "На бедного Макара и шишки валяются", "Загонят, куда Макара телят не гонял" (19, 92).

Принципиальное значение имело беспрецедентное решение Пушкина в новом издании печатать стихотворения под годовыми рубриками, что было с одобрением отмечено современной критикой. Так, в "Московском телеграфе" по этому поводу говорилось: "Изданная ныне часть стихотворений особенно любопытна потому, что в ней стихотворения сии помещены по годам сочинения оных, начиная от 1815 по 1825-ый год. Это история впечатлений нашего поэта. Здесь можно наблюдать, что, когда и как поражало его" (20, 190). На самом же деле пушкинская датировка в данном издании была отчасти условна: например, все стихотворения, посвященные крымским впечатлениям, помещены под 1820-м г., хотя некоторые из них фактически были написаны лишь в 1825-м г. Отметим, что ретроспективные лирические излияния были во многом обусловлены работой Пушкина над автобиографическими записками, которая продолжалась с 1821-го по 1825 гг. Рабочая тетрадь с текстом записок была позже сожжена поэтом. Но нельзя сомневаться, что, как обычно, длительная работа над одним произведением в пушкинской тетради перебивалась разработкой других замыслов. И в лирических произведениях вновь оживало давно пережитое.

Особое значение дат, проставленных перед произведением, не позволяет трактовать их в качестве непременно фиксирующих время их создания: они прежде всего обозначали автобиографический подтекст. Поэтому я не могу согласиться с публикацией "Элегии" ("Воспоминаньем упоенный...") в новом академическом Полном собрании сочинений Пушкина в годовой рубрике 1819-го г. Здесь она напечатана в редакции 1821-го года с пояснением в комментарии о том, что черновой автограф стихотворения в Лицейской тетради озаглавлен "К

Кагульскому памятнику - 1819. 30 mars". "Сама попытка, - однако отмечается в комментарии, - решить поэтическую тему Царского села в элегическом ключе не адекватна контексту кишиневского творчества Пушкина..." (21, 561). Это не так: к 1821 г. относится, в частности, элегический отрывок, сохраненный в Первой кишиневской тетради:

*В беспечных радостях, в живом очарованье,
О дни весны моей, вы скоро улетели.
Теките медленней в моем воспоминанье... (22)*

Редактор тома считает мое утверждение о том, что "...дата в заголовке у Пушкина означала не время создания стихотворения, а памятный день, которому оно посвящено", излишне категоричным (23, 39). Приведенные выше в настоящем сообщении примеры, как мне кажется, эту категоричность делают вполне резонной. Замечу, что 30 марта 1819 г. падало на вербное воскресенье, и это дополнительно закрепляло в памяти поэта очарование какой-то сердечной встречи подле царкосельского Кагульского обелиска.

Иногда сближение исторических дат остается в подтексте пушкинских стихотворений. Так тень князя Олега в стихотворении "Олегов щит", посвященном событиям только закончившейся войны с Турцией, могла быть вызвана разительным совпадением дат Адрианопольского мира в 1829 г. и мира с Византией, заключенном посольством Олега в 912 г. также 14 сентября: это вообще первая в "Повести временных лет" точная дата.

В 1831 г. аналогичное сближение дат прямо прописано в тексте стихотворения "Бородинская годовщина", кончавшееся строфой, посвященной Суворову и его внуку, доставившему в Петербург известие о падении Варшавы 26 августа.

Этой оде предшествовало стихотворение "Клеветникам России", начатое 2 августа 1831 г. В нем тоже подспудно присутствовала тень Суворова, который был назначен в августе 1794 г. командующим русскими войсками, направленными на подавление Польского восстания. Но в стихотворении вспоминается другая, возможно, самая замечательная суворовская победа: штурм неприступной турецкой крепости Измаил 11 декабря 1790 г. Так появляются строки:

*Иль старый богатырь, покойный на постели,
Не в силах завинтить свой измаильский штык? (15, 270)*

Здесь откликалась песня, сочиненная Г.Р.Державиным (музыка О.А.Козловского) для праздника по случаю взятия Измаила, позднее эта песня исполнялась как официальная, - в сущности, в качестве российского гимна. Стихотворения "Бородинская годовщина" и "Клеветникам России", как известно, были напечатаны отдельной брошюрой наряду со стихотворением В.А.Жуковского под заглавием «Старая песня на новый лад (на голос "Гром победы раздавайся")».

1. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ф. 244, оп.1, ед. хр. 831.
2. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ф. 244, оп.1, ед. хр. 835.
3. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ф. 244, оп.1, ед. хр. 833, л.33 об.
4. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ф. 244, оп.1, ед. хр. 833, л. 88.
5. Рукою Пушкина. Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. — М., 1997.
6. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — М., 1937-1949. — Т.ХІІІ.
7. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — М., 1937-1949. — Т.ХІV.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — М., 1937-1949. — Т.ХІІ.
9. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. — М., 1999. — Т.1.
10. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ф. 244, оп.1, ед. хр. 834, л.4 об.
11. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ф. 244, оп.1, ед. хр. 915.
12. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ф. 244, оп.1, ед.

- хр. 133.
13. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ф. 244, оп.1, ед. хр. 915.
 14. Викери У. Загадочная помета Пушкина //Временник Пушкинской комиссии. 1977. — Л., 1980.
 15. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — М., 1937-1949. — Т.Ш.
 16. Пушкин /Под ред. С.А.Венгерова. — СПб.,1906. — Т.5.
 17. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ф. 244, оп.1, ед. хр. 841, л.123
 18. Фукидид. История. — Л., 1981.
 19. Круглый год. Русский земледельческий календарь /Сост. А.Ф.Некрылова. — М., 1989.
 20. Пушкин в прижизненной критике. 1828-1830. — СПб.,2001.
 21. Пушкин. Полн. собр. соч.: В 20 т. — СПб., 2004. — Т.2.
 22. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ф. 244, оп.1, ед. хр. 831, л.43 об.
 23. Ларионова Е.О. Возвращение в Царское Село (Заметки к текстологии ненаписанной элегии) //Пушкин и его современники. — Вып. 3 (42). — СПб., 2002.

АВТОРСКОЕ СОЗНАНИЕ В ЦИКЛЕ В.Ф.ОДОЕВСКОГО «ПЕСТРЫЕ СКАЗКИ» И «ПОВЕСТЯХ БЕЛКИНА» А.С.ПУШКИНА

Т.Ю.Черняхович

(кандидат филологических наук, доцент,
Одесский национальный университет им. И.И.Мечникова)

У статті розглядаються форми виявлення авторської свідомості в циклі В.Ф.Одоевського "Строкати казки" та "Повістях Белкіна" О.С. Пушкіна, відзначається вплив О.С. Пушкіна на створення образу Гомозейко.

The forms of display of author's consciousness in V.F.Odoevsky's cycle "Motley Fairy tales" and "Belkin's Stories" by A.S.Pushkin were considered in the article, A.S. Pushkin's influence on creation of character – Homozeiko was mentioned.

"Пестрые сказки" Одоевского вышли в свет в 1833 году. Их гротескно-фантазмагорические образы — люди, запертые в реторту, куклы вместо людей, мертвые тела, обладающие способностью жить и чувствовать, — сразу навели критиков на сравнение с Гофманом. Однако первостепенным и непосредственным толчком к созданию "Пестрых сказок" послужили пушкинские "Повести покойного Ивана Петровича Белкина", изданные в 1831 году.

В "Пестрых сказках" совмещаются чистый вымысел и дидактика, романтическая устремленность к прекрасному и бытовой материал. Одоевский предлагал учитывать специфические особенности и возможности каждого жанра, ратуя за признание их равноценными.

Считая необходимым культивировать разные жанры, писатель ссылался на опыт современных ему французских прозаиков. Называя цикл "Пестрые сказки", Одоевский указывал на необходимость изображать разные стороны жизни. Этим и объясняется некоторая разноликость цикла.

Судьба произведений, вошедших в "Пестрые сказки", оказалась различной: одни неоднократно перепечатывались ("Сказка о том, по какому случаю коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалось в светлое воскресенье поздравить своих начальников с праздником", "Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем", "Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту", "Та же сказка, только на изворот"), другие забыты ("Реторта", "Жизнь и похождения одного из здешних обывателей в

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

**Науковий вісник
Ізмаїльського державного
гуманітарного університету**

Збірник наукових праць

Спецвипуск

18

Ізмаїл - 2005